

Хэллоуин еще не наступил, а страницы «Ежедневной газеты Сино» уже пестрели праздничными новостями.

Броский заголовок на первой полосе гласил: «Время летит! Снова Хэллоуин!» Местные жители ждали торжество с нетерпением — весь выпуск был посвящен их восторженным откликам.

— После Рождества и Праздника урожая Хэллоуин — мой самый любимый день! В этот праздник и взрослые, и дети веселятся от души. Я уже подготовил костюм: в этом году буду поющим гоблином!

— Для Сино, где зима давно вступила в свои права, этот праздник — настоящее спасение. Боже, как же надоели заснеженные улицы! Наконец-то серость разбавит этот чудесный, яркий тыквенный цвет!

— Смешные тыквенные головы и сладкое медовое пиво — идеальное сочетание! В такой великий праздник грех не напиться до упаду!

— Господин Сэм, очень просим вас в этом году не бегать пьяным и голым по улице. Это пугает куда сильнее любых призраков!

— Точно! Призраки обожают подобные празднества. Особенно они любят прятаться за углами, чтобы выскочить в самый неподходящий момент и до смерти напугать прохожих!

Родители малышей тоже вовсю обсуждали грядущие хлопоты:

— Думаю, больше всех Хэллоуину радуются дети. Мой Бобби выбрал тыкву еще месяц назад и теперь спит с ней в обнимку...

— Жутко интересно, кем на этот раз нарядятся ваши сорванцы?

— О, мне пришлось изрядно попотеть, чтобы смастерить для своей маленькой принцессы ангельские крылышки! Ради пуха я ободрала несколько гусей — беднягам теперь приходится щеголять в старых шерстяных носках моего мужа, чтобы не замерзнуть! Ха-ха!

— У нас с деньгами туго, так что обойдемся классическим привидением из простыни. Зато этот наряд многоразовый.

— Огурцом. И не спрашивайте почему, он сам так захотел.

— Гоблином! Мой карапуз и так целыми днями возится в грязи, да и ростом не вышел.

— А мой сорванец упрямо требует костюм дракона. Ума не приложу, что делать. Ну, вы понимаете, он хочет быть похож на того очаровательного кроху, который живет у господина эльфа.

— Кстати, о дракончике. Поговаривают, будто на Центральной площади видели господина эльфа с на удивление милым и хорошеньким ребенком.

— Да ну? А я буквально позавчера столкнулся с господином эльфом у опушки леса, и этот маленький черный дракон безмятежно спал у него прямо на голове.

— Неужели правда? Наш счастливый дракончик научился принимать человеческий облик? Или господину эльфу просто доверили посидеть с чужим малышом?

— Исключено! Если бы в наших краях рос такой чудесный ребенок, слухи пошли бы гораздо раньше!

— Значит, это действительно тот крошечный дракончик? Боже, как бы мне хотелось на него взглянуть! Неужели я один до сих пор довольствуюсь слухами и ни разу не видел его вживую?

— Как бы там ни было, лучше один раз увидеть. Скоро Хэллоуин, и такой кроха наверняка не пропустит праздник!

— С ума сойти, как интересно! Кем же он нарядится?

Хе-хе, а вот и не угадали. Ничего вы не увидите.

Главный виновник сплетен в этот момент лежал на кровати, листал свежий номер газеты и лениво покачивал длинным хвостом.

Ведь в праздничную ночь Дубиду собирался обернуться настоящим, ужасающим призраком! Все встречные от страха потеряют дар речи и безропотно отдадут ему свои сладости.

Он перевернул страницу. Этот разворот, посвященный праздничным угощениям, дракончик выучил уже наизусть:

— Я заготовила гору конфет из «Бакалеи Сихейм»! Все в индивидуальных обертках, чистые и безопасные.

— А мы будем раздавать домашнее маршмеллоу. Надеюсь, ребятишкам понравится.

— Глазурованное печенье... Долго думала над формой и решила испечь его в виде зверушек:

щеночков, телят, медвежат и даже маленьких дракончиков!

— Как главный богач нашей деревни, я, разумеется, приготовил целое море шоколада! Добро пожаловать, детвора, угощайтесь!

«Шоколад... Терпеть его не могу.»

Подумав, он разложил перед собой карту и принялся усердно расставлять пометки. На дома, где обещали горы сладостей, он ставил отпечаток когтистой лапки; те, что вызывали умеренный интерес, обводил кружком, а напротив особняка местного богача нарисовал жирный красный крест.

[Какая прелесть. Наш дракончик еще так юн, а уже люто ненавидит проклятых капиталистов!]

[Кстати, малыш, а ты сам-то подготовил праздничный костюм?]

Разумеется... нет.

Он заглядывал в игровой магазин, но ничего подходящего там не нашлось, а то, что более-менее приглянулось, стоило непомерно дорого.

Впрочем, только что прочитанная газета натолкнула его на отличную мысль.

Скатившись с подвесной люльки, крошечный дракончик в синем ночном колпаке сладко зевнул и неторопливо полетел к окну.

Погода стояла чудесная. Его эльф-опекун как раз затеял стирку и теперь развешивал во дворе чистые простыни и одеяла.

[Малыш, неужели ты задумал...]

Система, кажется, начала о чем-то догадываться.

Предчувствия ее не обманули. Радостно зажмурившись под лучами солнца, дракончик пулей вылетел во двор и устремился напрямик к натянутым веревкам.

— Дубиду?

Лейвин обернулся, но успел заметить лишь мелькнувшую черную тень, которая ловко умыкнула сохнущую белоснежную наволочку.

Кроха уже прекрасно держался на крыле. Решив продемонстрировать свое мастерство, он изящно вильнул под простынями, на выходе победно задел хвостом макушку Лейвина и шмыгнул обратно в распахнутое окно.

Ну и разбойник.

Лейвин мягко улыбнулся, не в силах сердиться на маленького проказника.

Войдя в комнату, он обнаружил малыша на пушистом ковре. Тот уже успел по уши забраться в наволочку и теперь яростно с ней сражался.

— Дубиду, что ты делаешь? — обеспокоенно спросил Лейвин, присаживаясь рядом и пытаясь аккуратно освободить его из тканевого плена.

Дракончик высунул голову и уставился на опекуна округлившимися, цвета спелой вишни глазами.

— На? — в его взгляде читалось искреннее недоумение. Что случилось?

Эльф с облегчением выдохнул. Он-то думал, что кроха злится из-за утреннего запрета висеть вниз головой на книжной полке.

— Все в порядке, развлекайся, — Лейвин ласково потрепал его по макушке.

Дракончик тут же с восторгом нырнул обратно. Раздалось воинственное «ау-у-у», и на ковер посыпались первые белые лоскуты.

Лейвин же продолжал с улыбкой сидеть рядом, подбадривая маленького разрушителя одобрительными кивками.

****[Это слепая родительская любовь! Он же окончательно разбалуетя!]****

****[Сначала наволочки, потом мебель, а как вырастет — одним ударом головы разнесет весь дом!]****

Ночь принесла покой.

В лесной хижине воцарилась тишина, нарушаемая лишь уютным потрескиванием поленьев в камине.

И вдруг из темноты явилось ужасающее белое привидение.

Оно покачивалось и медленно плыло по воздуху. В неровно прорезанных дырах белели круглые глаза и виднелся приоткрытый рот.

Спереди «призрак» грозно топырил крошечные черные лапки, а сзади сиротливо торчал острый кончик хвоста.

Трепещите! Ужасный Дубиду вышел на охоту...

Кого бы напугать первым? Кто это тут еще не спит глубокой ночью?

Белая наволочка качнулась влево, затем вправо и замерла, выбрав первую жертву.

Раздобревший за последнее время белый кролик безмятежно хрустел выращенной Лейвином морковкой в углу комнаты, как вдруг почувствовал, что по спине пробежал ледяной холодок.

Белоснежка настороженно прижал уши и с опаской оглянулся.

Никого.

Он снова принялся за угощение, но тревога не утихала. Очередной пугливый взгляд назад — и...

— Ау-у-у!

Грозно завывая, прямо на нее спикировало белое нечто!

Белоснежка кубарем покатился прочь, позабыв о морковке. Лапы испуганно заскользили по паркету, и лишь спустя пару секунд ему удалось набрать скорость и скрыться под столом.

Отсиживаясь в безопасном убежище, кролик наконец разглядел своего преследователя. Никакое это не привидение, а всего лишь чешуйчатый бесенок с толстым хвостом.

Довольный своей шалостью дракончик катался по полу, зажав в когтях край наволочки. Вдоволь навеселившись, он вновь взмыл в воздух и устремился ко второй цели.

Белоснежка подобрал брошенную морковь и, мерно хрустя, принялся наблюдать за происходящим. В его простой кроличьей голове сидела твердая уверенность: эльф — сильный и мудрый хозяин, его какой-то тряпкой не запугаешь.

Как бы не так.

Белый призрак бесшумно соткался прямо за плечом Лейвина и пронзительно взвыл над самым его ухом.

Увлеченный чтением эльф картинно вздрогнул, мгновенно нахлобучил раскрывшуюся книгу себе на голову и в панике запричитал:

— Спасите! Привидение! Настоящее привидение!

Маленький озорник пришел в неопиcуемый восторг. Он сорвал с себя наволочку, явив миру довольную черную мордочку, и победно воскликнул:

— На!

«Никакой это не призрак, это я, страшный и ужасный Дубиду!»

«Ну что, Нана, испугался? Какой же ты трусишка!»

— Ох... Так это ты, Дубиду? У Наны чуть сердце из груди не выпрыгнуло, — Лейвин обернулся к нему с преувеличенно испуганным лицом, но его протянутая рука и нежный взгляд выдавали полное отсутствие страха.

Но разыгравшийся дракончик ничего не заметил — он уже вовсю кувыркался и брыкался внутри наволочки.

Раздался резкий треск рвущейся ткани.

Острый коготь или жесткий плавник на хвосте зацепил ветхую бязь.

Ланьдун мгновенно замер. Лейвин тоже удивленно моргнул.

— У-у-а-а-а!

Дракончик высунулся из образовавшейся прорехи и жалобно заскулил.

Его главное праздничное облачение пришло в негодность! А ведь их скромный бюджет вряд ли выдержит покупку новой наволочки!

Он же планировал пугать в ней всех еще как минимум пару лет!

[Наш малыш... оказывается, такой бережливый! Я сейчас расплачусь от умиления...]

— Не расстраивайся, малыш. Нана все зашьет, — Лейвин не знал, то ли плакать, то ли смеяться над тем, как отчаянно дракончик бережет эту ветхую тряпку. — Скажи лучше, ты действительно хочешь пойти на праздник?

«Дубиду», «хотеть», «Хэллоуин» — эти слова Ланьдун уже прекрасно понимал.

Но его маленький раздвоенный язык еще не умел выговаривать сложные слоги, поэтому кроха просто обхватил лапками палец эльфа и усердно закивал: «Да, очень хочу!»

— Вот как... — Лейвин задумчиво примолк, не торопясь с ответом.

«Неужели нельзя?»

Дракончик обиженно сложил крылышки, недовольно заворчал и надул щеки.

— Тогда нам нужно как следует подготовиться, — рассмеялся Лейвин, ласково щекоча его пальцем за чешуйчатую щечку. — Это наш первый совместный праздник, и мы проведем его незабываемо!

На следующий день

На рыночной площади Сино царило праздничное оживление. Торговцы вовсю зазывали покупателей, предлагая всевозможные хэллоуинские диковинки и сладости.

Золотоволосый и голубоглазый эльф в длинном светло-сером плаще шел сквозь пеструю толпу, неизменно привлекая к себе восхищенные взгляды.

Однако сегодня прохожие оборачивались ему вслед не только из-за его неземной красоты.

На Лейвине был самый обычный дорожный плащ, вот только надел он его задом наперед, так что объемный капюшон оказался на груди.

— Это что, новое веяние моды? Или господин эльф слегка перебрал с утра пораньше?

— Какая прелесть, он будто несет в слинге младенца!

— Так он и несет своего малыша! Какое трогательное зрелище.

— Ой, смотрите, там, в капюшоне...

Оттуда действительно любопытно поглядывали два круглых глаза, сияющих словно чистейшие рубины.

Ланьдун с комфортом устроился в своем импровизированном гнездышке, крепко сжимая лапками вяленое сухожилие.

Ему не слишком нравилось излишнее внимание шумных двуногих, и он ни за что не высунул бы носа, если бы они не добрались до развалов с тыквами.

Система подсказала ему, что у каждого порядочного человеческого детеныша в праздничную ночь должна быть тыквенная лампада. Готовые светильники продавались на каждом углу, но вырезать её самому казалось куда интереснее. К тому же из мякоти можно было сварить отличную кашу.

— Какой выберем, Дубиду? — поинтересовался Лейвин, давая дракончику право голоса.

Малыш ухватился одной лапкой за край капюшона, а вторую победно устремил в сторону самой огромной тыквы на прилавке.

— На!

«Вот эту, самую большую и круглую!»

— Ну и смысленый же у вас кроха! — рассмеялся продавец и потянулся было погладить забавного зверя.

Но маленький дракончик мигом юркнул обратно в глубину капюшона. Никаких нежностей с незнакомцами!

— Он у меня немного диковат, — извиняющимся тоном пояснил Лейвин. На груди он отчетливо чувствовал, как маленькие коготки крепко вцепились в его рубашку в поисках защиты.

По сравнению с первыми днями Дубиду стал доверять ему гораздо больше. Он безропотно давался в руки, позволял себя гладить и тискать — невероятный прогресс.

А главное, кроха четко разделял «своего» эльфа и всех остальных двуногих, что безмерно льстило Лейвину.

— Будьте добры, доставьте эту огромную тыкву и вон ту, поменьше, в нашу хижину у Туманного леса, — попросил Лейвин.

— Будет исполнено в лучшем виде! — засуетился торговец, грузя товар на телегу.

«А маленькая-то зачем?»

[Глупенький, даже если ты примешь облик человеческого дитя, такую махину тебе ни за что не унести!]

[Но твой опекун все равно купил гигантскую тыкву просто потому, что ты на нее ткнул. Какая трогательная забота!]

Пока Лейвин бродил среди прилавков, выбирая всякие хозяйственные мелочи, дракончик откровенно скучал.

От нечего делать он снова высунул носик и принялся разглядывать толпу.

Внимание его привлекли две странные фигуры у лавки, где торговали кресалами и трутом.

Высокий и низкий, оба с головы до ног были укутаны в черные как вороново крыло плащи, скрывавшие их лица от любопытных глаз. Выглядели они на редкость таинственно.

— Заверните все, — глухо произнес тот, что повыше.

— Все?! — опешил лавочник. Ланьдун, который уже понимал значение этого слова, тоже мысленно округлил глаза.

Зачем кому-то столько кресал? Одной коробки обычно хватает на несколько месяцев, а то и лет.

«Странные типы. Явно замышляют недоброе.»

— Я не привык повторять дважды, — покупатель небрежно оперся на трость, набалдашник которой был выполнен в виде черепа, оплетенного крыльями летучей мыши. Его рука была затянута в плотную черную кожу.

Побледневший торговец засуетился, трясущимися руками сгребая товар в мешок.

В этот момент фигура пониже, словно почувствовав на себе чужой взгляд, резко обернулась.

Под глубоким капюшоном показалось лицо бледного, как смерть, мальчугана. Ни кровинки в щеках, синюшные губы — живые люди так не выглядят.

Да и обоняние дракона не обманешь: от незнакомца определенно не пахло человеком.

Ланьдун инстинктивно ошетинился, высвобождая тонкую струйку своей подавляющей ауры. Ледяное синее пламя его духа, способное в мгновение ока испепелить дерзкого чужака, безмолвно заструилось по воздуху. С момента пробуждения он стал куда сильнее.

Мальчишка на секунду замер, встретившись взглядом с алыми вертикальными зрачками дракончика, но высокий спутник бесцеремонно увлек его за собой в толпу.

— Пожалуй, этого хватит. Спасибо, — раздался над ухом мягкий голос Лейвина. Эльф как раз забирал у торговца рулоны черного шелка и тонкого тюля.

Опустив взгляд, он обнаружил, что его питомец победоносно задрал мордочку и довольно воркует.

— На!

«Я только что прогнал подозрительного типа!»

«Смотри, какой я грозный защитник!»

— Умница, — улыбнулся Лейвин, а затем растерянно посмотрел на соседний прилавок. — Странно... Неужели все кресала раскупили?

Дракончик недоуменно наклонил голову.

«Глупый Нана. Зачем нам кресала, когда у тебя под рукой настоящий дракон?»

Вернувшись домой, кроха широко разинул пасть и с залихватским «ау-у-у!» выплюнул струю пламени прямо в топку камина.

Его огонь горел холодным синим цветом, но, соприкоснувшись с сухими поленьями, тут же превратился в обычное жаркое золотисто-оранжевое пламя. Этот драконий огонь славился своей стойкостью — его невозможно было залить даже ушатом воды.

Шутка ли, настоящее первородное пламя!

— Дубиду! — Лейвин так и застыл с раскрытым ртом, глядя на пляшущие в очаге искры. В его лазурных глазах читался детский восторг. Ему хотелось немедленно затискать этого удивительного малыша и подбросить его к самому потолку. — Признавайся, сколько еще фокусов ты от меня скрываешь?

О, более чем достаточно.

Вдоволь нагладив дракончика по чешуйчатой головке, эльф принялся за дело. Сначала он аккуратно срезал макушку огромной тыквы, выскоблил ложкой всю волокнистую мякоть с семенами, а затем угольком наметил контуры будущего светильника: круглые безумные глаза, треугольный нос и зубастую, зловещую ухмылку. Напоследок он взял острый охотничий нож.

Лезвие вошло в плотную кожуру как по маслу. Острый клинок без труда вырезал замысловатые узоры.

— Осторожно, Дубиду, отойди, — то и дело повторял Лейвин, зная несносный характер своего подопечного, который обожал носиться по комнате сломя голову.

Слово «опасно» было одним из первых, которые дракончик выучил назубок. Это была вынужденная мера безопасности: стоило Лейвину громко его произнести, как кроха послушно замирал на месте.

Но любопытство пересиливало страх. Ланьдун так сильно хотел увидеть результат, что так и норовил сунуть нос под самое лезвие.

Пришлось Лейвину напустить на себя суровость:

— Опасно!

Дракончик испуганно отпрянул и распластался по стене, смешно растопырив лапки. «Ну зачем так кричать, а?!»

Эльф лишь усмехнулся и вонзил нож в рот оскаленной тыквы:

— Потому что кое-кто ведет себя как несносный бесенок.

К исходу дня скромная лесная хижина преобразилась до неузнаваемости.

Входную дверь украсил венок из сухих веток и ягод, по углам комнат пламенели гирлянды из кленовых листьев, на полу тут и там лежали лесные шишки, а обеденный стол накрыли новой скатертью в оранжево-белую клетку.

Тот самый изодранный наволочный призрак, который так полюбился дракончику, пошел на благое дело — Лейвин набил его соломой и усадил на подоконник в виде забавного чучела. Рядом уютно устроились восковые свечи и миниатюрные декоративные тыковки.

Оставалось лишь выставить на порог главный праздничный светильник, чтобы его таинственный свет радовал прохожих снаружи и мягко проникал сквозь стекло в комнату.

Но стоило Лейвину наклониться за тыквой, как он обнаружил, что внутри нее сладко спит виновник торжества. Кроха без лишних церемоний приспособил выскобленный плод под новую уютную колыбельку.

То-то в доме наступила такая подозрительная тишина.

Дракончик лежал на животе, его маленькое тельце мерно поднималось и опускалось во сне, а хвостик расслабленно свешивался наружу. Он больше не сворачивался испуганным клубочком, судорожно прижимая хвост к груди, как в первые дни после рождения.

Приглядевшись, эльф с удивлением заметил, что малыш обустроил свое новое жилище со всем возможным комфортом. Он умыкнул немного соломы из венка, выстелил ею дно, а сверху натаскал запасы вяленого мяса, ароматные листики мяты, любимый мячик с бубенчиком и три разноцветных петушиных пера.

Будить его в такой момент казалось настоящим кощунством.

Лейвин тихонько присел рядом на корточки, его шелковистые золотые локоны скользнули по полу.

Во сне Ланьдун недовольно завозился, перевернулся на спину и смешно почесал брюшко кончиком хвоста.

Тут-то эльф и разглядел, что под мягким животиком дракона скрывается целая сокровищница. Как он только спал на этом хламе? Наверняка ведь все бока отлежал!

Осторожно просунув руку, Лейвин одного за другим вытащил несколько разноцветных стеклянных шариков и... старинное кольцо.

Вот оно что! А он-то голову сломал, куда подевалось кольцо. Оказывается, эта сорока заприметила блестящую вещицу и припрятала в свое гнездо.

Перстень был удивительной красоты — тонкая, изящная работа ювелира совершенно не вязалась с убогой обстановкой лесной хижины. Голубой сапфир в оправе был искусно огранен в форме распускающегося бутона розы. Вещь явно стоила целое состояние.

Именно из-за него мерзавец Альп когда-то пробовал шантажировать Лейвина, прослышав о дорогой безделушке.

Эльф всегда носил кольцо при себе. Оно, без сомнения, являлось ключом к его прошлому, которое он напрочь позабыл.

Но с появлением Дубиду туманные воспоминания былой жизни перестали волновать его так сильно. Он больше не цеплялся за прошлое. Потеряв к безделушке интерес, он оставил ее на столе, где ее тут же приметил любящий все блестящее дракончик.

— Понравилось, малыш? — тихо прошептал Лейвин и с улыбкой вернул драгоценность на место. — Что ж, пусть будет твоим.

Хэллоуинская ночь

Долгожданный вечер наконец наступил.

В эту ночь Сино преобразилась. С вершины холма деревня казалась волшебным прудом, мерцающим тысячами золотистых огоньков в чаше темной долины. Вдоль дорог горели самодельные тыквенные светильники, заливая мягким, теплым светом обычно мрачные сельские улочки.

Сразу после ужина Центральная площадь Сино заполнилась детворой. Все ребятишки старше трех лет собрались в одном месте. Шум, гам и веселый смех разносились по округе — малыши с замиранием сердца ждали начала сладкой охоты.

Кого тут только не было! В толпе мелькали ангельские крылышки, дьявольские рожки, уродливые маски гоблинов, полосатые хвосты Чеширских котов, простыни привидений и даже... картонные драконьи хвосты.

Но настоящий, живой дракончик превзошел всех. Он мгновенно приковал к себе взгляды всей площади.

Ланьдун заблаговременно активировал «Облик человеческого дитя». Он рассудил, что в таком виде выпрашивать сладости будет куда сподручнее, да и унести удастся гораздо больше.

Сейчас он стоял посреди площади, смущенно переминаясь с ноги на ногу и сжимая в ладошке маленькую тыквенную лампаду. Столь пристальное внимание толпы заставляло его чувствовать себя не в своей тарелке.

«Да что они все вылупились? Даже эти недомерки проходу не дают.»

«Неужели эти мелкие конкуренты замыслили против меня заговор?»

Будь у него сейчас хвост, он бы уже раздраженно хлестал себя по бокам.

****[Потому что ты выглядишь просто очаровательно, лапочка! (ovo)]****

****[Наш господин эльф — настоящий мастер на все руки. Этот костюм сидит на тебе как влитой!]****

****[И кстати, малыш, вообще-то ты сейчас сам ничуть не больше этих "недомерков"].****

Лейвин нарядил Ланьдуна в чудесный костюм маленького тыквенного волшебника. Нижняя теплая курточка из мягкого черного хлопка была расшита крошечными золотистыми тыковками, на груди красовалась яркая оранжевая шнуровка, а сверху на плечи была наброшена невесомая накидка из черного тюля с оборками и пышными бантами.

Но самой примечательной деталью были штанишки. Эльф ухитрился придать оранжевой ткани форму пухлой тыквы, обернув ее тончайшим газом того же оттенка.

Мало того, под полупрозрачную ткань Лейвин заботливо вшил свежесобранные стебли звездной травы. Они мягко, пульсирующе светились в темноте, и этого волшебного сияния должно было хватить до самого утра.

Ланьдун оказался единственным светящимся ребенком на празднике.

Маленькие «принцессы» и «рыцари» вокруг прямо-таки раскрыли рты от изумления. В их возрасте зависть маскировать еще не умеют, поэтому они стояли, вытаращив глаза, и не могли оторвать взгляда от сверкающего чуда.

Один малец, который был на полголовы выше Ланьдуна, робко подошел ближе и прошептал:

— Какое красивое платье... Словно на него упали настоящие звезды.

Трехлетний дракончик, еще плохо понимавший сложные метафоры, лишь недоуменно наклонил голову. В его огромных глазах отражались тысячи оранжевых праздничных огней.

****[Ого! Нашего дракончика впервые кадрят!]****

****[Правда, у меня есть сильное подозрение, что этот кавалер принял тебя за девочку...]****

— Меня зовут Даген, я сын фермера Сэма, — гордо представился крепыш и с важным видом протянул руку. Причем протянул ладонью вверх, явно подражая благородным господам на балах и ожидая, что Ланьдун вложит в нее свои пальчики для танца.

****[Хм, неплохая попытка сыграть в юного джентльмена. Сразу видно, манерам его учили, но**

как-то вполовину.]***

Ланьдун и не подумал протягивать руку. Глупые расшаркивания его совершенно не интересовали.

В своем прошлом мире он был закоренелым одиночкой. Дракон терпеть не мог светские условности и предпочел бы, чтобы все сородичи держались от него как можно дальше до конца дней.

К тому же его словарный запас пока не располагал к светским беседам.

[Динь-дон! Получено новое задание: «Пообщайся со своим приятелем Дагеном»!]

[Награда: 500 единиц опыта, 100 драконьих монет.]

«С какой стати он мне приятель?»

[Ой, да в Сино все жутко дружелюбные! Любой встречный, с кем ты перебросился парой слов, уже считается лучшим другом.]

Ланьдун нехотя перевел взгляд на Дагена. Мальчик тут же просиял.

Дракончик моргнул и тихо, нараспев произнес:

— Сладость... или шалость?

Это была самая длинная и четкая фраза, которую ему удалось произнести за последнее время.

Хотя прозвучала она все равно невероятно по-детски, будто у малыша за щекой таял невидимый зефир.

[Задание успешно выполнено! Награда начислена!]

[Ваш баланс: 856 драконьих монет, 36 кристальных алмазов.]

У Дагена от изумления округлились глаза. Он лихорадочно принялся шарить по карманам своего пиратского камзола, которых на костюме было великое множество.

Но увы, карманы были пусты. Заметив это, Ланьдун мгновенно потерял к несостоявшемуся рыцарю всякий интерес и отвернулся. Даген остался стоять с самым несчастным видом.

Стоявший на краю площади Лейвин, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, хмуро наблюдал за тем, как к его сокровищу подбивают клинья чужие дети.

Ладно еще сын Сэма, но вокруг ведь крутилось еще несколько подозрительных сорванцов!

А его упрямый дракончик наотрез отказался идти под ручку с опекуном и бесцеремонно вытолкнул его из толпы, мотивируя тем, что другие дети гуляют сами по себе.

— Ой, господин эльф, ну не нужно так переживать! — принялись успокаивать его стоящие рядом женщины. — Сино — тихая и безопасная деревня. Сегодня повсюду горят огни, а стражи порядка дежурят буквально на каждом перекрестке!

— Это точно. Я велел своему Дагену присматривать за Дубиду, — добродушно пробасил фермер Сэм, пыхтя трубкой. — Мальцу уже шесть лет, он парень ответственный, маленьких не обидит. Глядишь, подружатся!

— Как я вас понимаю, господин эльф... Каждый раз в такие моменты на душе у нас, взрослых, скребут кошки, — вздохнула другая селянка. — Эти крохи так быстро растут, у них заводится своя компания, куда нам вход заказан.

— Ну а у вас-то... — Женщина бросила завистливый взгляд на безупречный профиль эльфа и мечтательно прикрыла глаза. — С таким ангелочком тоска, должно быть, сильнее в стократ.

— Да ладно вам, нельзя же держать их на привязи, — отмахнулся Сэм. — Я своего Дагена отпустил гулять одного, как только он твердо встал на ноги. Случись что — он парень сообразительный, сразу побежит к стражникам.

Лейвин ласково смотрел на забавный вихор, торчащий на затылке дракончика, и мысленно вздыхал.

«Ладно. Через пару часов, когда они закончат, он наверняка без задних ног будет. Встречу его на перекрестке и отнесу домой на руках.»

На трибуне Центральной площади престарелый священник наконец закончил зачитывать правила безопасности и громогласно провозгласил:

— Ну что, детвора! Пора приниматься за шалости! Объявляю ночь Хэллоуина открытой!

Площадь взорвалась восторженными криками. В тот же миг отовсюду высыпали крошечные «привидения» в простынях. Они с веселым гиканьем носились по переулкам, никого не пугая, а лишь упиваясь долгожданной свободой — ведь такой праздник выпадает лишь раз в году. Прохожие весело смеялись им вслед, а некоторые малыши приветливо махали «призракам» руками.

Словно маленькая нечисть на праздничном шабаше, пестрая орава ребятишек хлынула по главной улице, стучась во все двери подряд.

В Сино детей было пруд пруди, поэтому к их безопасности относились со всей строгостью. На Хэллоуин здесь действовал строгий негласный свод правил.

Во-первых, праздничный маршрут был строго ограничен парой кварталов. Если кто-то из малышей убредал за флажки, бдительные стражники порядка тут же мягко, но настойчиво возвращали беглеца обратно.

Во-вторых, все угощения, приготовленные жителями, проходили строгую проверку качества — предпочтение отдавалось сладостям в фабричной упаковке.

И наконец, взрослым строжайше запрещалось впускать детей в дом. Любая попытка заманить ребенка за порог каралась по всей строгости закона, какими бы благими ни были намерения хозяев.

Благодаря этим мерам родители спали спокойно, зная, что их чадам ничего не угрожает.

Скука Ланьдуна мгновенно улетучилась, уступив место охотничьему азарту.

Весело топая ножками, он мчался во главе праздничной процессии, мигом оставив позади навязчивого Дагена.

«Чего он ко мне привязался? Небось, хочет мои конфеты отнять!»

[Малыш, он просто хотел побыть твоим верным рыцарем.]

[Кто бы мог подумать, что наш грозный дракон окажется таким сластеной!]

В прежнем мире Ланьдуна изысканные лакомства были невиданной роскошью. А то жалкое подобие десертов, что ему доводилось пробовать, на вкус напоминало мыло и вызывало лишь отвращение.

Не от хорошей жизни он питался исключительно парным мясом!

Быстро сориентировавшись на местности, дракончик устремился к неприметному домику на окраине, который остальные дети почему-то обошли стороной.

А ведь в газете черным по белому было написано: здесь раздают нежнейшее маршмеллоу!

Кряхтя от усердия, дракончик вскарабкался по высоким ступенькам крыльца, постучал кулачком в дверь и напустил на себя самый свирепый вид, на какой только был способен.

«Эх, зря я послушал Нану. Костюм, конечно, красивый, но совсем не страшный.»

Дверь отворила молодая женщина. Наконец-то к ней заглянул первый праздничный гость!

Перед ней стоял крохотный очаровательный чертенок. Высоко задрав ручки, он широко разинул рот, демонстрируя ряд ровных молочных зубок, и изо всех сил грозно пропищал:

— Сладость или шалость!

Его глазенки сверкали янтарным светом в бликах качающегося фонаря, а на макушке уморительно топорщились маленькие красные рожки.

Хозяйка тихо ахнула и прижала ладони к щекам. Она почувствовала, как ее сердце пропустило удар — этот малыш нанес ей сокрушительный удар своим очарованием.

«Сработало? Неужели испугалась?»

Ланьдун с любопытством наклонил голову. В следующее мгновение женщина поспешно скрылась в доме и вынесла огромный поднос, ломящийся от разноцветных маршмеллоу. Их там была целая гора, как он и мечтал!

Решив немного подразнить милого гостя, она присела перед ним и спросила самым ласковым голосом:

— Малыш, а сколько зефирок ты сможешь унести?

Дети его возраста обычно уже умели считать до десяти.

Женщина мысленно уже умилялась, представляя, как этот ангелочек станет загибать пухлые пальчики.

От этой картины ее сердце затрепетало.

Но реальность превзошла все ожидания. Дракончик радостно взмахнул руками и звучно выпалил:

— Все-е-е!

Словечко он запомнил у того странного бледного господина, который скупил все кресала на рынке.

А затем, словно заправский фокусник, вытащил из-за пазухи огромный мешок нежно-фиолетового цвета.

«Быстрее высыпай все в мешок Дубиду!»

Не прошло и часа, как половина домов в округе оказалась начисто опустошена прожорливой оравой.

Тем временем по улице блуждал одинокий, бледный мальчик. Одетый в строгий темно-синий костюм-тройку и опирающийся на изящную трость из орехового дерева, он медленно переходил от дома к дому, тихонько стучась в закрытые двери.

В усадьбе богача ему достался лишь сиротливый обломок бананового шоколада, а добрая женщина, пекшая печенье, лишь виновато развела руками:

— Ох, прости, милый, но печенье закончилось.

— Почему? — тихо, сдавленно спросил он. Женщина невольно засмотрелась на его слишком длинные и острые клыки, блеснувшие при свете фонаря.

— Да понимаешь... Тут только что пробежал такой очаровательный кроха в пышных оранжевых штанишках-тыкве, — женщина мечтательно прижала руки к груди. — Он так забавно шепелявил про страшные «кары», «кровавые шалости» и «вырванные сердца»... Меня так грозно припугнули, что пришлось отдать ему всё до последней крошки. Иначе он и правда украл бы мое сердце!

Бледный мальчуган понурил голову. Его глаза начали наливаться горькими слезами.

«Я опоздал. Ничего не осталось.»

— Мне очень жаль, малыш. Попробуй заглянуть на соседнюю улицу, там наверняка еще остались вкусности, — попыталась утешить его женщина.

Тем временем на другом конце улицы раздался тяжелый топот и прерывистое дыхание.

Из темноты вынырнул запыхавшийся Даген.

— Ду-у-у! Подожди меня! — маленький пират из последних сил тащил на плечах увесистый

мешок со сладостями, отчаянно пытаясь догнать дракончика, который налегке бежал впереди.

Ланьдун нехотя притормозил и оглянулся на своего носильщика.

Буквально пару минут назад несколько очарованных им мальчишек добровольно высыпали все свои трофеи в его огромный фиолетовый мешок.

Трехлетним дракончиком в человеческом теле было не под силу поднять такую ношу, поэтому Дагену пришлось взять на себя роль вьючного пони.

Впрочем, Ланьдун проявил щедрость: царственным жестом указав на мешок, он коротко бросил:

— Поделим!

Давая понять, что никого не обделит при дележке.

Вот за это он всегда и ненавидел командную работу в прежней жизни. Добычу вечно приходилось делить с какими-то нахлебниками.

Но сейчас деваться было некуда. Его силы пока не восстановились до конца, и приходилось мириться с обществом обычных смертных детей.

Сверившись с игровой картой, Ланьдун мысленно стер отпечатки лапок с уже обчищенных домов.

Осталась последняя и самая главная цель — Медвежья кондитерская Анджелины! Их знаменитые пирожные нельзя было запихивать в мешок, иначе нежный крем превратился бы в кашу. Ланьдун твердо решил съесть свое лакомство прямо на месте.

Он сделал шаг вперед, как вдруг краем глаза заметил бледного мальчугана, стоявшего неподалеку. По росту тот был точь-в-точь как Ланьдун.

Хоть на нем и не было давешнего черного плаща, дракончик мгновенно признал в нем дневного знакомого.

«Опять этот подозрительный тип!»

Глаза Ланьдуна опасно вспыхнули алым, вертикальные зрачки сузились, а вокруг его фигурки заструилась невидимая, но осязаемая угроза.

Но бледный мальчик, вопреки ожиданиям, не испугался, а сделал робкий шаг навстречу.

Даген тут же решительно заслонил Ланьдуна своим телом, даже не подозревая, что рискует влезть в разборку двух высших существ.

— Ты... — несмело начал бледный малец. У него были редкие серебристо-белые волосы и холодные голубые глаза, в которых сквозила неизменная грусть и усталость.

«Чего тебе надо?»

Ланьдун недовольно нахмурился. Он был не прочь размять кости и проверить, насколько восстановился его магический резерв.

Но мысли о пирожном не давали ему покоя. Вкуснейшие десерты разлетались как горячие пирожки. Опоздай он хоть на минуту, и ему достанутся одни лишь ненавистные шоколадные бисквиты...

[Вообще-то шоколад обычно разбирают в первую очередь, так что за него можешь не волноваться.]

[К тому же, малыш, мне кажется, он пришел с миром. Может, послушаем его?]

[Мы ведь хотим вырасти дружелюбными и миролюбивыми драконами, верно?]

Дракончик моргнул. Его зрачки остались хищными щелками, но воинственная аура заметно поутихла.

— Не хотите ли вы... пойти в гости к Борису? Сегодня... у Бориса... — заикаясь, пролепетал мальчик.

— Нет, — отрезал Ланьдун, даже не дослушав.

[Умница! Помнишь наказ своего опекуна?]

[Заводить друзей — это прекрасно, но ходить домой к незнакомцам смертельно опасно для любого ребенка!]

Перед уходом Лейвин усадил дракончика на стол и, натягивая на его маленькие ножки теплые зимние сапожки, в сотый раз терпеливо повторял правила безопасности.

— Дубиду, мой хороший, что нужно отвечать, если чужой дядя позовет тебя к себе в гости? —

допрашивал его эльф.

Дракончик с самым серьезным видом замотал головой.

— А если этот дядя пообещает тебе гору конфет и вкусного мяса? — усложнил задачу Лейвин.

Кроха на мгновение задумался, соблазненный мыслью о мясе, но, заметив, как грозно сошлись на переносице брови опекуна, закрутил головой еще отчаяннее.

Этот длинноухий слишком уж сильно переживает за него. Если он потеряется, Нана с ума сойдет от беспокойства.

К тому же потом придется выслушивать бесконечные нотации, половину слов из которых дракончик все равно не понимал.

Услышав столь безжалостный отказ, бледный мальчик буквально окаменел.

Когда Ланьдун и Даген скрылись из виду, Борис остался стоять посреди дороги, обдуваемый холодным ночным ветром. Его лицо побелело еще сильнее, а глаза налились багровой краской.

Наконец он не выдержал и с громким ревом бросился к высокой черной фигуре, терпеливо ожидавшей его в тени переулка. Напрочь позабыв об аристократических манерах, он безутешно разрыдался:

— А-а-а-а! Они не хотят со мной дружить! А-а-а-а!

— Тсс, тише, Борис. Мужчины не плачут, — высокий бледнолицый мужчина бесстрастно прижал к себе рыдающего сына. В лунном свете его суровый лик казался высеченным из мрамора. — Расскажи папе, кто из этих ребят понравился тебе больше всего?

Медвежья кондитерская Анджелины

В теплой и уютной «Медвежьей кондитерской Анджелины», что на Центральной площади, вкусно пахло ванилью и корицей.

— Я так и знала, что ты заглянешь ко мне, малыш! Я приберегла для тебя самое лучшее, — Анджелина с улыбкой протянула Ланьдуну пирожное с сочной спелой малиной.

Дракончик так и просиял, сверкнув крошечными клыками. Схватив лакомство пухлыми ручками, он блаженно прикрыл глаза и одним махом слизал нежную кремовую шапку.

Даген внезапно густо покраснел и молча подвинул Ланьдуну свое собственное пирожное.

Ланьдун, выглядевший как самый благовоспитанный и хрупкий ребенок на свете, без лишних церемоний сгреб тарелку и в три укуса уничтожил чужой десерт.

Даген лишь потрясенно захлопал глазами. На его круглом лице отразилась забавная смесь смущения и глубокого шока.

Хозяйка кондитерской недоуменно наклонила пушистую голову, переводя взгляд с одного мальчика на другого.

Облизав испачканные кремом губы, сытый Ланьдун посмотрел в панорамное окно. Самое время возвращаться к Нане!

«С такой горой конфет Нана точно ахнет от удивления! Теперь у нас дома будет полно еды на целую неделю вперед.»

Нана кормит его вкусным мясом, а он принесет ему заслуженную долю сладостей — честное и взаимовыгодное сотрудничество!

Дракончик весело захлопал в ладоши, спрыгнул со стула и направился к выходу.

Верный Даген семенил следом. Они пошли по той же дороге и вскоре поравнялись с перекрестком, где недавно столкнулись с бледным Борисом.

Острые драконьи чувства Ланьдуна мгновенно уловили неладное.

Вокруг не было слышно веселого детского смеха, да и патрульных дружинников, которые должны были дежурить на каждом углу, след простыл. Улица словно вымерла.

Из темноты за его спиной послышался едва различимый шорох — скользкий, вкрадчивый звук, похожий на шуршание ползущей змеи.

Когда до цели оставалось всего три шага, нечто бесшумно бросилось вперед!

Ланьдун резко обернулся, но перед его глазами успел мелькнуть лишь огромный розовый мешок, который со свистом опустился сверху, погребая его под собой.

— На! — испуганно донеслось из глубины плотной ткани. Мешок отчаянно задергался.

Не прошло и пары мгновений, как несчастного маленького дракончика нагло похитили

посреди праздничной ночи.

<http://bllate.org/book/18363/1796821>